

Поезд мчался к славе

(СЕРГЕЙ ЭЙЗЕНШТЕЙН В ВЕЛИКИХ ЛУКАХ)

ХУДОЖНИК Константин Елисеев на закате своих дней вспоминал: “В начале 1919 года судьба забросила меня в Великие Луки, захолустный городок, где я работал в местном Доме просвещения имени В.И.Ленина в качестве художника и актера.

Однажды, в конце того же 1919 года, ко мне в актерскую уборную пришел худенький юноша в сильно поношенной форме студента Петроградского института гражданских инженеров и повел разговор о том, что среди сотрудников учреждения, которое называлось 18-е военное строительство при Политотделе 15-й армии, квартировавших в Великих Луках, организовывался любительский театральный кружок, имевший целью использовать пустовавшую сцену кинотеатра “Коммуна”. В состав этого кружка кроме молодежи входили весьма представительные инженеры и архитекторы, работавшие в 18-м военном строительстве, так что дело поставлено основательно и серьезно. Для ведения бесед и чтения лекций по различным театральным дисциплинам были приглашены некоторые актеры из нашей труппы, и среди них В.П.Лапинов, много лет работавший в суворинском Малом театре. /.../ Юноша, назвавшийся С.М.Эйзенштейном, выразил желание присутствовать на наших занятиях.”¹

Это был Сергей Эйзенштейн - будущий великий кинорежиссер, тогда ему шел двадцать второй год. “Вскоре, - пишет его биограф Ростислав Юренев, - он услышит о себе: “крупнейший талант”. В двадцать восемь, когда фильм “Броненосец “Потемкин”” пошел по экранам мира, Эйзенштейна назвали “великим””.²

Выходит, талант мастера формировался и в Великих Луках, поэтому стоит пристальнее приглядеться ко времени пребывания молодого специалиста в городе на Ловати. Впрочем, несколько слов о том, как он сюда попал, будут уместны. 1915 г.: выпускник Рижского реального училища Сергей Эйзенштейн зачислен на 1-й курс Института гражданских инженеров в Петрограде. Весной 17-го призван на военную службу. 18 марта 1918 г.: добровольно вступил в ряды Красной Армии, служит техником во 2-ом (впоследствии - 18-м) военном строительстве Петроградского района.³

Писатель В. Шкловский прав: “У художников бывают периоды созревания. Они работают, собирают материал, делают эскизы, но даже иногда сами не знают, кем они будут: художниками? писателями? режиссерами? Сергей Эйзенштейн дозревал на железной дороге. С 20 сентября 1918 г. до августа 1920 г. жил он в теплушках или на случайных остановках строительной организации.”⁴

Первая остановка - городок Вожега на Вологодчине. Эйзенштейн принимает активное участие в спектаклях местного клуба в качестве режиссера, художника-декоратора и актера. Затем поезд движется в Режицу (Резекне), Двинск

Петров Станислав Георгиевич - методист по краеведению Великолукского районного объединения образования.

(Даугавпилс), Торонец, Холм: во время переездов Сергей Михайлович занимается выработкой принципов инсценировки, созданием эскизов декораций и костюмов в соответствии со средневековым представлением, к пьесам Шекспира, читает театральную литературу.⁵

Постепенно он приближается к мыслям о реформации сцены, которая должна быть своя, особая для каждого спектакля; он спрашивает: "Где же выход, чтобы и традиции, и стиля держаться и чтобы оригинально творить?" - и приходит к выводу, что надо как следует изучить опыт старого, чтобы обрести свободу для открывания новых горизонтов! Сложные ассоциации с литературой, живописью, музыкой молодой Эйзенштейн направлял на создание концепции синтетического театра, много позднее ставшей основой его концепции синтетического, полифонического кино.⁶

А жизнь шла своим чередом. Строительство тащилось из города в город, с полустанка на полустанок. В первой половине ноября 1919 года строительство обосновалось в Великих Луках. Фронт откатился далеко. Наконец, случай применить свои познания и проекты на практике Эйзенштейну представился. Правда, в очень, очень скромных масштабах.⁷

Каким он запомнился современникам в городе на Ловати? "Первое впечатление, - пишет учительница Н. Зайцева, - когда я познакомилась с Сережей, было очень приятное: благовоспитанный юноша, невысокого роста, худенький, но хорошо сложенный. Обращали внимание его голова и лицо: форма головы несколько удлинённая, узкое лицо с огромным выпуклым лбом, серые глаза со смешинкой, русые вьющиеся волосы, целая шапка кудрявых волос. Он был живым, остроумным человеком, и мы очень подружились. С ним говорить можно было на любую тему, особенно интересовали его живопись и музыка...

В нем как-то удивительно сочетались почти детские выходки с умом умудренного жизненным опытом человека. И удивительно, как он всегда готов был прийти на помощь товарищу и советом, и своим кошельком..."

В обществе, где появлялся Сергей Эйзенштейн, он всегда был в центре, острые шутки, быстрые наброски - шаржи на присутствующих, эпиграммы - все это было насыщено юмором, острым умом и большим тактом...

Сергей Михайлович много и хорошо рисовал. Заметит у кого-нибудь из нас появление мещанских привычек - сразу же берет тушь, и на клочке бумаги, на обрывке газеты готова карикатура."⁸

Между прочим, о рисунках. Вот что пишет К. Елисеев: "Первоначальная симпатия быстро перешла в доверчивую дружбу, и тогда он стал показывать мне свои рисунки, которых у него оказалось много, очень много. Я был очарован их мастерством, которое бросалось в глаза с первого взгляда, а их содержание, их сюжеты удивляли своим разнообразием и широтой наблюдений и мысли, - просто не верилось, что в этом юноше умещалось столько знаний, наблюдений и самых неожиданных выдумок и видений."⁹ И сейчас графика Эйзенштейна впечатляет, а его экспрессионистская манера исполнения рисунков заставляет поставить следующий вопрос: "Его тогдашнее творчество не могло ли оказать влияние на художников-великолучан, в частности на Всеволода Сулимо-Самуйло, тем паче, последний уже тогда пробовал себя в оформлении театральных спектаклей?"

- Это только гипотеза, - полагает хранитель фондов Великолукского краеведческого музея С.В.Иванова, - например, у нас никаких материалов, свидетельствующих о их контактах, не имеется...

Оговоримся, кстати, что тема "Эйзенштейн и Великие Луки", как, впрочем, и "Культура, творческая интеллигенция в Великих Луках в 1917-1921 гг." зияют проблемами и нуждаются в кропотливом и всестороннем изучении. Что мы знаем, к примеру, о людях, бывших с будущим кинорежиссером в городе на Ловати? О художниках К.Елисееве и Б.Рыбченкове, актере В.Лапинове, режиссере А.Строеве?¹⁰

... Итак, молодой строитель стал активным участником великолукского театрального кружка. Он предлагает ставить комедии Аристофана, пьесы Мольера и Льва Толстого!¹¹ Однако его товарищам столь сложные постановки были не по силам, и выбор пал на веселую и остроумную комедию Аркадия Аверченко "Двойники". Эйзенштейн выступал в качестве автора декораций, исполнителя маленькой роли "господина в очках", руководителя постановочной частью и ведущего спектакля!¹²

Как пишет К. Елисеев, "пьеса прошла с очень большим успехом, и тут же было решено не останавливаться на этом..."¹³ Следующий спектакль по одноактной пьесе Ф.М.Случайного "Зеркало". Постановку доверили Эйзенштейну, и это можно считать началом его режиссерской деятельности.¹⁴

Премьера состоялась 9 февраля 1920 г. в помещении театра "Коммуна". Сначала шли "Двойники", затем "Зеркало", потом "Тяжба" Н.В.Гоголя. Биограф великого мастера Р.Юрнев сообщает: "Сохранилась отпечатанная на машинке афишка и обрывок написанного от руки плаката. Эйзенштейн фигурирует в ролях "господина в очках" ("Двойники") и авантюриста Куцкого ("Зеркало") под псевдонимом Перегринус и в качестве автора эскизов декораций ко всем трем пьесам Перегринуса-Тисса."¹⁵

Кроме того, кружковцы хотели воспроизвести на сцене "Взятие Бастилии" ("14-е июля") Р. Роллана.¹⁶ Весь февраль и половину марта труппа любителей - драматическая студия при Великолукском гарнизонном клубе, созданная Сергеем Михайловичем, - работает над одноактной пьесой А.Амнуэля "Марат", и в апреле начали подумывать о постановке "Жоржа Дандена" Мольера. Надо ли говорить, что эскизы декораций и костюмов к этим пьесам готовил Эйзенштейн!¹⁷

Увы, постановки не удалось осуществить. 25 мая 1920 г. 18-е военное строительство (и, конечно, начинающий режиссер) передислоцировано ближе к фронту против белополяков - в Полоцк.¹⁸

Поезд, в котором покидал Луки Эйзенштейн, вез его к будущей славе... Но сам творец "Броненосца "Потемкина"" почему-то не любил вспоминать об этом периоде своей жизни, даже в "Автобиографии", построенной хронологически, Сергей Михайлович период 1918 - июль 1920 гг. определил лишь со стороны деловой: "В Военном строительстве: чертежником, техником, помпроизводителя работ. Гатчина, Вожега (Архангельский фронт)." А о театре не упомянул ни слова, даже Великих Лук не назвал...¹⁹

Отчего? В. Шкловский категорично замечает об этом периоде жизни Эйзенштейна: "Он не был счастлив", - намекая на неразделенную любовь молодого

человека к балерине Марии Пушкиной,²⁰ которая работала в поезде Военного строительства телефонисткой. Позднее она вспоминала: “Меня приняли телефонисткой. В первые же дни меня неотступно стал сопровождать юноша.

- Сергей Эйзенштейн, - представился он и застыл в подчеркнутом поклоне. - Работаю чертежником.

Настоящий мушкетер! Не хватало только шляпы с пером...

Нашим разговорам не было конца... Так было, когда мы добрались до Великих Лук. Расстояние от Двинска до Великих Лук двести километров, а ехали мы ... два месяца. Помню, погода стояла жаркая. Двери наших теплушек (они были в разных концах эшелона) были раскрыты настежь. Мы сидели на полу, свесив ноги из вагона. Для связи между собой мы протянули обыкновенную веревку. К ней привязывали свою корреспонденцию. Я - свои рассказы об Италии, театре, балете. Сергей - рисунки к моим рассказам.

Эта веревка, эта необычная связь называлась у нас “невидимый театр, театр образов”...²¹

Может, и другое. Константин Елисеев информирует о таком любопытном эпизоде. Он видел своего товарища в маленькой роли в комедии “Двойник”: “Не скрою - я был очень огорчен и разочарован. Дело в том, что на сцене двигался и отчаянно жестикулировал человек, который что-то говорил, но что именно никто ни услышать, ни понять не мог. Причиной этому был природный дефект постановки голосовых связок, которые по какому-то неведомому капризу звучали как-то пискливо и вдруг ни с того ни с сего сменялись хриплыми басовитыми нотами. Сам Эйзенштейн в шутку называл это “маминым” и “папиным” голосами. Позже, уже в Москве, он серьезно занялся этим и твердо установил “папин” басовитый и звучный голос, который многим достаточно памятен.

Как бы то ни было, но в то время я ему категорически отсоветовал выступать, да и он сам хорошо понял, что на сцене ему показываться не следует. Насколько мне известно, ни на сцене, ни на экране он больше не появлялся.”²² Такое не забывается и оставляет навсегда зарубки на сердце.

Отметим, что и дневник Эйзенштейна, начатый им в мае 1919 г., не сможет приподнять покров с тайны его умолчания. Да, почти всегда записи помечены числом и местом, но фактов биографии, записи происшествий, встреч, впечатлений в них очень мало.²³ Хотя, возможно, некоторые до нас просто не дошли. Впрочем, неблагоприятное дело пытаться реконструировать мотивы поступков великого мастера!

Ясно одно: поезд привез в Луки способного теоретика, а увез - режиссера-практика, почувствовавшего, что он способен сказать свое слово в искусстве. И город на Ловати был - не побоимся этих слов! - важнейшей остановкой в биографии великого кинорежиссера. Хотел ли он или нет о нем вспоминать, но прав Пастернак: “И поражений от победы ты сам не должен отличать ...”

Частичные поражения обернулись победой, как показало будущее. А поезд, повторим, увозил Сергея Эйзенштейна к грядущей славе.

Примечания

1. Елисеев К. Юность художника // Эйзенштейн в воспоминаниях современников. Сборник. М.: Искусство. 1973. С. 83-84.
2. Юренев Р. Трагедия Сергея Эйзенштейна // Родина. 1993. № 11. С. 104.
3. Летопись жизни и творчества С.М.Эйзенштейна // Эйзенштейн С. Избранные произведения в шести томах. М.: Искусство. 1964. Т.1. С. 573-574.
4. Шкловский В.Б. Эйзенштейн. 2-е изд. М.: Искусство. 1976. С. 59.
5. Летопись ... С. 573.
6. Юренев Р. Эйзенштейн: Замыслы. Фильмы. Метод. Ч. 1. 1898-1929. М.: Искусство. 1985. С. 28-29.
7. Юренев Р. Эйзенштейн... С. 30-31.
8. Зайцева Н. В Великих Луках // Эйзенштейн в воспоминаниях современников.. С. 96-97.
9. Елисеев К. Юность художника... С. 84. В книге Сергея Эйзенштейна "Рисунки" (М.: Искусство, 1961) проводится лишь один рисунок, датированный 1920 г. Это - "автошарж" (с. 57).
10. Юренев Р. Эйзенштейн... С. 31. К сожалению, в фондах Великолукского филиала Госархива Псковской области (Р-100: Великолукский исполнительный комитет уездного Совета; Р-691: Великолукский уездный военный комиссариат; Р-6 7: Великолукский отдел народного образования) никаких сведений ни о С.М.Эйзенштейне, ни о названных людях обнаружить не удалось. Воспоминания старожилов, причем "из вторых рук", едва ли достоверны.
11. Там же. С. 32.
12. Там же. С. 32.
13. Эйзенштейн... С. 85.
14. Юренев Р. Эйзенштейн... С. 32.
15. Там же. С. 33.
16. Елисеев К. Юность художника... С. 85.
17. Юренев Р. Эйзенштейн... С. 33; Летопись ... С. 574.
18. Летопись... С. 574.
19. Эйзенштейн С. Избранные произведения в шести томах. Т.1... С. 75-76.
20. Шкловский В.Б. Эйзенштейн... С. 61.
21. Ждан-Пушкина М. Надпись на книге // Эйзенштейн в воспоминаниях современников... С. 93.
22. Елисеев К. Эйзенштейн... С. 85.
23. Юренев Р. Эйзенштейн... С. 28.